

Елена Шахновская

СНЫ ПАРМЕЗАНА

Пьеса-сон в одном аэропорту

Действующие лица:

Соня, 29 лет, девушка с бессонницей и большим чемоданом.

Гришин, 37 лет, человек в толстовке с Чебурашкой.

Старуха, голоса и другие кошмары Сони.

Сотрудники и пассажиры аэропорта.

Действие происходит в аэропорту в течение одного дня.

Москва, 2015 год.

Часть первая

1.

Соня прячется в небольшой, заваленной всяким хламом, темной комнатке. Раздается приглушенный стук в дверь, женские шаги, топот мужских сапог, какой-то звонкий грохот.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Я знаю, эта сучка где-то здесь.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Здесь никого нет, только я и мой...

ДРУГОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС (*перебивает*). Щербатый – твой сосед? Такой, с кормушкой.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Это Василич, с дома напротив.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Говорит, крутится тут у тебя такая, кудрявая. Вчера видал.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Да он бабу с прошлого века не видал, Василич-то.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ну-ка быстро, быстро!

ДРУГОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС. Хочешь тоже, босая на морозе?

Слышится плач ребенка, женское: ти-ш!, приближающиеся шаги. Кто-то ломает дверь, пытается зайти, Соня оглядывается, хватает большой чемодан, пытается загородить им дверь, но безуспешно.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Попалась, мерзкая дрянь!

ДРУГОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС (*смеется*). Думала, убежишь. Никуда ты от нас не денешься, детка.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Сладкая конфетка...

СОНИЯ (*кричит*). Почему вы говорите по-русски? Почему вы говорите со мной по-русски?!

2.

В лицо Сони бьет яркий искусственный свет большого аэропорта. Перед ней стоит сотрудник авиакомпании, лопоухий юноша со строгим выражением лица. Соня вцепилась в тяжеленный чемодан, повязанный бантиком.

СОТРУДНИК АВИАКОМПАНИИ. А на каком языке говорить?

СОНЯ. Со мной?

СОТРУДНИК АВИАКОМПАНИИ. Вы не понимаете по-русски?

СОНЯ. Почему?

СОТРУДНИК АВИАКОМПАНИИ (*возвращает ей паспорт*). Я же уже сказал вам.

СОНЯ. Но мне очень нужно успеть!

СОТРУДНИК. Регистрация на рейс закончена.

СОНЯ. Мне нужно уехать.

СОТРУДНИК. Вам нужно не мешать другим пассажирам.

СОНЯ. Но я же зачекинила Тургенева еще в экспрессе!

СОТРУДНИК (*смотрит в компьютере*). У нас нет такого пассажира.

СОНЯ. Это мой чемодан.

СОТРУДНИК (*снова смотрит на монитор*). Его – да, он может лететь.

СОНЯ. Но он со мной.

СОТРУДНИК (*смотрит сквозь нее в зал*). Следующий.

СОНЯ. А когда следующий?

СОТРУДНИК. Завтра.

СОНЯ. Мне нужно сегодня.

СОТРУДНИК. Мы закончили двадцать минут назад.

СОНЯ. Но самолет же еще не улетел!

СОТРУДНИК. Вы опоздали.

СОНЯ. Пожалуйста.

СОТРУДНИК. Завтра.

СОНЯ. Я не смогу завтра, просто не смогу (*вдруг начинает плакать*). Вчера в парикмахерской, знаете... Она, вообще-то, приятная такая женщина, молчаливая, а не как там обычно бывает. И стрижет меня так внимательно, под музыку, у них диск там с Полем Мариа, знаете? Или что-то такое, с саксофоном, ну помните, из 90-х... Она журналы мне тогда принесла, Лариса, - вы заметили, что парикмахера, если она не мужик, обязательно зовут Лариса? – там еще крупно на обложке: «Узнай всю правду: почему он тебя бросил», а я смотрю на нее и думаю: а интересно, она бы меня выдала?

СОТРУДНИК. Чего?

СОНЯ. Если бы пришли за мной.

СОТРУДНИК. Кто?

СОНЯ (*вытирает слезы ладонью*). Ну, немцы. Фашисты. Вот если бы я пряталась, а она знала. Простая хорошая русская женщина. Улыбчивая. Стрижет, правда, паршиво. Она бы меня пожалела? Она как раз спрашивает у меня тогда так вежливо: укладывать стрижку будем? А я думаю, какая же ты сука...

ГОЛОС В АЭРОПОРТУ: уважаемые пассажиры, вылет рейса № 7805 Москва — (*у сотрудника звонит телефон, заглушая город назначения*) задерживается, приносим вам свои извинения.

СОТРУДНИК (*протягивает руку*). Паспорт.

Соня отдает паспорт, ставит чемодан на движущуюся ленту, он уезжает.

3.

Соня поднимается по эскалатору, проходит мимо молодой пары с ребенком – девочкой лет трех в детской коляске – и их, вероятно, подругой. Девочка роняет лохматую куклу.

СОНЯ (*поднимает и отдает девочке*). Держи.

Девочка забирает куклу.

МАМА ДЕВОЧКИ. Что надо сказать?

Девочка протягивает Соне куклу обратно.

МАМА ДЕВОЧКИ (*выбивает у нее куклу из рук*). Сколько раз тебе повторять! Что надо сказать тете?

Девочка начинает плакать.

СОНЯ (*наклоняется к коляске*). Ничего не надо говорить тете. Тебя как зовут? Меня Соня.
МАМА ДЕВОЧКИ (*вытирает лицо девочки*). Ну? Как тебя зовут? Неряху такую, а? Забыла?

ПОДРУГА МАМЫ. Как тебя зовут, Поляночка? Ты же у нас умная девочка.

МАМА ДЕВОЧКИ. Вот тетя сейчас подумает, что ты у нас дурочка, да, Полина? Хочешь, чтобы тетя так подумала?

СОНЯ (*снова отдает куклу девочке*). Прости.

Соня быстро отходит, но все еще слышит разговор.

МАМА ДЕВОЧКИ. А ты что молчишь? Хочешь, чтобы она в тебя таким тормозом выросла?

ПАПА ДЕВОЧКИ. Отвали.

МАМА ДЕВОЧКИ. Нет, вы его только послушайте! Накидался, да, в дьюти-фри? И пофигу, да, что евро — соточка?

ПАПА ДЕВОЧКИ. Да уймись ты.

МАМА ДЕВОЧКИ (*смотрит, как девочка сползает из коляски*). Куда ты пошла, ну-ка сядь. Быстро, я сказала!

ПОДРУГА МАМЫ. Ну успокойся, Поляночка, сейчас вы с мамой и папой поедете отдыхать, на море поедете. Там знаешь, какие дяди красивые на море?

Девочка плачет громче, отбегает, папа хватает ее за одежду, поднимает, сажает обратно в коляску. Девочка вырывается, папа ее пристегивает. Девочка бьет его кулачком, папа дает ей пощечину.

ПАПА ДЕВОЧКИ. Замолчала, все. Щас еще в самолете орать будет.

МАМА ДЕВОЧКИ (*вдруг обнимает ее*). Ну все, все. Давай подую (*дует ей в лицо*). Кто у нас тут такой зареванный? Что это у нас тут за девочка? Скажи, ты маму любишь? Любишь?

4.

Соня, одетая в деловой костюм, сидит в кресле, перед ней — через стол — девушка в полутьме.

ДЕВУШКА. Люблю.

Соня протягивает ей бумажный платочек и записывает что-то в блокнот.

СОНЯ. Но такое ведь уже случалось?

ДЕВУШКА. В прошлом месяце.

СОНЯ. И все?

ДЕВУШКА. И все. Нет, еще в октябре.

СОНЯ. Вы обращались за помощью?

ДЕВУШКА. Но он просил прощения... И знаете, после того случая... Вдруг такой секс.

Понимаете? И еще потом, в Париже... у нас как раз годовщина была.

СОНЯ. Побоев?

ДЕВУШКА. А разве вам можно такое говорить?

СОНЯ. А разве можно не замечать, что ты пытаешься заслужить любовь унижением? Ты ждешь, чтобы тебя наказали, потому что хочешь, чтоб пожалели.

ДЕВУШКА. Но вы же психолог.

СОНЯ. Я – случайный прохожий.

ДЕВУШКА. Уходите!

СОНЯ. Очнись, ты же видишь, что бьешь своего ребенка, как бьют тебя, а он будет бить — своего?!

ДЕВУШКА. У меня нет никакого ребенка.

СОНЯ. Потому что ты его не хочешь?

ДЕВУШКА. Потому что мне сейчас три.

5.

Соню обнимает человек лет тридцати пяти, легонько глядя ее по волосам. Это Гришин, но Соня еще не знает об этом. Она поднимает голову и смотрит на него.

ГРИШИН. Ты кричала.

СОНЯ. Вы кто?

ГРИШИН (*пожимает плечами*). Ты кричала, что тебе уже тридцать шесть, и это никогда не закончится.

СОНЯ. Мне меньше.

ГРИШИН. Бывает.

СОНЯ. Мне казалось, я открываю рот и не могу произнести ни звука. Как бывает во сне.

ГРИШИН. С ними был ребенок, они собирались вызвать охрану. Я тебя увел.

СОНЯ. Вы решили, что я сумасшедшая?

ГРИШИН. Ты кричала, что надо отсюда уехать и никогда не возвращаться. Сумасшедшие такое не говорят.

Соня отстраняется, смотрит на взлетную полосу.

СОНЯ. Мне кажется, это мой самолет.

ГРИШИН (*оборачивается*). Который с рекламой?

СОНЯ. Который только что улетел.

6.

Соня в свадебном платье растерянно идет по проходу, в руках у нее букет невесты. Это немного напоминает сцену из американского кино, только вот идет она между рядами пассажиров, ждущих своего рейса. Подходит к Гришину, одетому все в ту же одежду, что и раньше, становится рядом. К ним с другой стороны торжественно подходит сотрудница Загса — женщина с папкой и прической.

СОНЯ. Я опоздала?

ГРИШИН. Я ждал не тебя.

СОНЯ. Мне кажется, я тоже шла не к тебе.

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЕСКОЙ. Берете ли вы, Гришин, бездельник, в жены Софью, неудачницу?

СОНЯ (*поворачивается к Гришину*). Как тебя зовут?

ГРИШИН (*пожимает плечами*). Гришин.

СОНЯ (*поворачивается к женщине с прической*). Почему я в этом идиотском платье?

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЕСКОЙ. Да похеру мне. Куда пошла, тебе говорят. (*Моноotonно повторяет*). Берете ли вы эту, Софью, неудачницу?

ГРИШИН. Ай ду.

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЕСКОЙ. Гришин, перестаньте паясничать. Встаньте, как полагается. Ровнее. Берете ее, вас спрашивают?

ГРИШИН (*весело разглядывает Соню*). Давай возьму.

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЕСКОЙ (*вдыхает*). Берете ли вы, Софья, неудачница...

СОНЯ. Да все у меня в порядке, вы что, не видите? Нормально у меня все.

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЕСКОЙ (*продолжает*). ...в мужа Гришина, бездельника?

СОНЯ. Я же в первый раз его вижу.

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЕСКОЙ. Решайте скорее (*смотрит в папку*). Является ли ваше решение обдуманым и своевременным, вам же там семью строить, бла-бла.

СОНЯ. Откуда я знаю. (*поворачивается к Гришину*). Ты будешь мне хорошим мужем?

ГРИШИН. С чего вдруг?

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЕСКОЙ. Поторапливайтесь, невеста, вас тут у меня не одна стояла. (*Кивает на пассажиров*). Особенная, что ли? Вон, женщины с утра ждут.

ГРИШИН (*Соне*). Бери, потом разберемся.

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЕСКОЙ. Ну?

СОНЯ. Ладно. Возьму.

ГРИШИН. Все, можете поцеловать невесту?

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЕСКОЙ. Подождите, жених. Именем Российской Федерации...

СОНЯ. Но мы же в Нью-Йорке!

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЕСКОЙ. Тамбовский волк тебе в Нью-Йорке. Именем Российской Федерации...

СОНЯ. Нет! Мы же на Манхэттене!

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЕСКОЙ. Объявляю вас...

7.

Соня сидит за столиком в бизнес-лаунже аэропорта, пьет кофе. Гришин приносит две тарелки — одну с сэндвичами, другую с какими-то маленькими пирожными. Садится напротив, протягивает ей тарелку.

СОНЯ. Мужем и женой?

ГРИШИН. Конечно. Я сразу понял, что Том и Джерри — женаты. Еще в детстве. Нет, правда — вылитые мои родители. Я тогда решил, что хочу рисовать всякое такое. И стал рисовать.

СОНЯ (*берет салфетку, протягивает*). Меня нарисуй.

Гришин достает из рюкзака карандаш, рисует.

СОНЯ (*оглядывается*). А почему меня сюда пропустили? Я же не лечу бизнес-классом.

ГРИШИН (*рисует*). Да ты, похоже, вообще никак не летишь.

СОНЯ (*смотрит в телефон*). Четвертый час уже жду. Что там такое случилось-то.

ГРИШИН. Нет, ну если хочешь в отстойник, могу проводить. (*Соня качает головой и берет пирожное*). У меня чувак тут знакомый на входе (*кивает в сторону охраны*). Летаю часто.

СОНЯ. Во сколько рейс?

ГРИШИН. Да я не тороплюсь.

СОНЯ. Куда летишь?

ГРИШИН. Тебе в детстве не говорили, что спрашивать куда — плохая примета? Надо говорить: ты далеко?..

СОНЯ. И как, далеко?

ГРИШИН. Очень.

СОНЯ. Что, отпуск? Командировка? (*Гришин закатывает глаза*). Уезжаешь?

ГРИШИН (*что-то штрихует на картинке*). На выставку.

СОНЯ. Круто.

ГРИШИН. Я тоже всегда так говорю, когда мне неинтересно.

СОНЯ. Прости. Расскажи.

ГРИШИН. В Копенгаген.

СОНЯ (*жует*). Отлично!

ГРИШИН. Да ладно. Ты знаешь, как только я начал работать на студии, мы сделали мульт про зверей-полиглотов. Они в лесу языки разные учили. И в конце каждой серии лисенок или там зебра после всяких приключений попадали кто в бродячий цирк, кто в джунгли, кто в прерии какие-то, кто куда короче, и говорили: родина, друзья, — это там, где тебе хорошо. Ну милота же, да? Один даже в зоопарке очнулся, в клетке, в ахуе такой весь, пришлось ему еще родину поискать. Про тигренка этого две серии было. Продали на детский канал, короче, и сначала все нормально было, даже второй сезон делали, на пост-продакшн вышли, а потом пришли родители, ну, зрители наши. И понеслось.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА ЗА СОСЕДНИМ СТОЛИКОМ. Нет, скажи мне, чему они учат моего ребенка? Эти уродливые животные? Пресмыкаться перед Западом?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА ЗА СОСЕДНИМ СТОЛИКОМ. Я знаешь, через что тут прошла ради него, через какую грязь, а вчера отнимаю у него планшет с зверьми этими либеральными, а он как заорет на меня: ненавижу тебя, не-на-ви-жу!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА (*наливает чай*). Что вдруг? Такая хорошая мама.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Я давно запретила своему всех этих том-и-джерри, все эту американскую машину насилия. Но чтобы и наши? Включила ему разок, думала,

нормальные, а они там китайский учат! Вот скажи мне, зачем простому русскому зайцу — китайский?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА (*размешивает сахар*). Да вообще все эти современные мультфильмы — ужас. Помнишь, какие хорошие были советские? Добрые. Все звери дружат. Улыбаются. Поют. Я только их и разрешаю.

ГРИШИН. И тогда я понял, что нужно делать.

СОНЯ. Бежать?

ГРИШИН. Я нарисовал, как Чебурашка трахается с Геной. Тащит в этот ящик с апельсинами и там его, держа за уши... Потом Настеньку еще с Чудовищем. А помнишь, был еще адский такой мульт про хоккеистов?

СОНЯ. Слушай, мне пора идти.

ГРИШИН. Куда?

СОНЯ. Ты ж говорил, так нельзя спрашивать.

ГРИШИН. Ну я и молчу. Короче, со студии меня сразу выгнали. Зато вот выставка...

СОНЯ (*протягивает ему руку*). Приятно было познакомиться.

ГРИШИН (*пожимает*). Не личная, конечно, но все равно — там из такой жопы только я.

СОНЯ (*встает*). Еще увидимся.

ГРИШИН. Конечно. (*Протягивает ей салфетку, там — рожки и номер телефона*). Ты никуда не уедешь.

8.

Соня лежит на неудобных креслах в зале ожидания, положив под голову сумку. Вокруг полно утомленных людей, которые дремлют или читают свои телефоны. Рядом устраивается женщина с толстой девочкой — девочка ноет и хочет сесть поудобнее. Соня нарочно вытягивает ноги так, что сейчас точно будет скандал, но женщину с девочкой вдруг прогоняет довольно древняя, нарядно одетая старуха. Она садится рядом, достает откуда-то из складок платья зеркальце и начинает поправлять макияж.

СТАРУХА. Вот идиот, да? Он думал, ты от него никуда и уедешь. (*Кричит куда-то в сторону*). Голодная до мужика, решил? Вот тебе хренушки!

Соня подсакивает и с недоумением смотрит на старуху.

СТАРУХА. Скажи мне вот чего, девочка, — откуда у нервных злых женщин берутся любовники? Разумных, конечно же, женщин, а то с чего бы им быть в таком раздражении.

Соня пытается уйти, но старуха крепко хватается за руку.

СТАРУХА. Правильно все говоришь, девочка, они уходят к нам от своих добреньких глупых котят. Таких, ну знаешь, которые говорят: ты у меня такой образованный, начитанный, культурный такой мужчина, и смотрят так снизу немного, снизу так, искоса... А он же про Сталина только-то и читал, про план Барбаросса в книжечке с развала все по тридцать, да и то сто лет назад, когда в институт наострился, чтоб в армию не скрутили, а теперь сидит вот перед ней, штаны расстегнул уже, и заливает ей там про дискурсы всякие, да про нарративы...

СОНЯ. Пустите! Мне больно.

СТАРУХА. Что, не уходят от них? Не к нам, говоришь, уходят? Я поначалу ревновала даже, завидовала, думала, как, ну как они это делают, кисаньки, что они там в них видят, в этих мудозвонах праздничных, а потом поняла — врут они все, конфетные сучки, ох, врут. А я не могу, я всегда была женщина честная, прямодушная: если вижу — скотина, так я сразу ему и говорю: ты, милый, животное, без всяких там церемоний.

СОНЯ (*поворачивается к старухе*). А я не могу. Неловко обидеть.

СТАРУХА (*отпускает ее*). Скотина, понятно, обратно к котяткам.

СОНЯ. Куда вы летите?

СТАРУХА (*смеется*). Вот глупая девка! Все было иначе. Вот слушай: в тот год я завела Антонио. Не сразу, конечно. Сначала Луиса, — там были и плечи, и руки...

СОНЯ. Вы потерялись?

СТАРУХА (*показывает*). Татуировка еще молнией из штанов торчала, а штаны такие, знаешь, низкие, на самой этой сидят, загорелой... Ну да я и не смотрела, скромная была, да и чего там смотреть, там действовать надо. А как стала по-тамошнему понимать, так и увидала: тоже дурак дураком, все про экзистенции толкует, да про эклектику...

СОНЯ. Вас кто-то ищет?

СТАРУХА. Антонио, конечно, поумней был, — рыбачил, помалкивал. Сама-то любила? Да вижу я, гордая. Дура ты. А может, и умная.

СОНЯ. Пойдемте со мной.

СТАРУХА. Позвал вот, приехала. Первым же рейсом. Но знаешь, что, девочка, когда так вот долго мечтаешь понравиться, годами и без толку, вся истончаешься.

СОНЯ. Становишься ломкой. Я знаю. (*Берет ее под локоть*). Давайте.

СТАРУХА (*вырывается*). Нет, ты становишься слепком. Становишься женщиной, какую хотел он лет двадцать назад. Может, сорок. Я не считала... Считала, но сбилась. Еще в 90-х... Но поздно! Теперь мне не нужен.

Старуха докрашивает губы и протягивает Соне зеркальце. Соня не берет, но старуха впихивает его ей в руки.

СТАРУХА. Пойду я. Уж осень.

СОНЯ. Сейчас ведь апрель.

СТАРУХА (*пожимает плечами*). Но мы здесь надолго.

9.

ГОЛОС В АЭРОПОРТУ (*приглушенно, сквозь треск*). Недолго? Да ты, блять, заметил, как все завалило? Там взлетку не видно! Какой-то пиздец. (*Дикторским голосом*). Уважаемые пассажиры рейсов 7805, 4563, 7894 и, возможно, некоторых других рейсов, в связи с внезапными изменениями погодных условий ваш вылет задерживается, приносим вам свои извинения. Вы и сами увидите – снег.

10.

В полутьме слышится скрип тормозов. Нарастают голоса, чей-то шепот, звук шагов, что-то роняют. Вскрик. Хлопает дверь машины. Кто-то убегает, догоняет. В метели виднеются два силуэта.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Ну и сугробы... Пусти, говорю! Сказала же, я не поеду.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ты знаешь, нам надо добраться. Нас ждут. Мы же все обсудили, решили.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Ты сказал, что нельзя оставаться. Я сказала, что не уеду. Решили! Ты же слышал, на именинах, когда все дошли до десерта...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ладно, хватит. Подружки твои растрепали? Сестрицы? Почему ты им веришь?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*переходит на шепот*). Помнишь, был у нее такой маленький, светлый? Ну, деревенский...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Сын?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Племянник.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Что-то такое припоминаю.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Он не доехал.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Так сам виноват. Тут опасней остаться.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Он спасся. Один.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Послушай.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Говорят, там какие-то печи...

МУЖСКОЙ ГОЛОС (*тоже переходит на шепот*). Да тихо ты! Ведь знаешь, что нас ненавидят. Соседи...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*перебивает*). Я видела дым.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. И знаешь, за что. Потому что мы лучше. Умнее.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Прекрати. Нас услышат...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Они считают, что мы занимаем места – их по праву рождения.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*кричит*). И пусть ненавидят! Я с тобой не поеду!

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Послушай, а ты не устала бояться? Что так вот однажды позовут на варенье, а после сожрут. Они лицемеры. Вчера приходила соседка – ты помнишь, у нас есть кувшин, такой, с ангелочком? Ты все его прятала с глаз, повторяла – мещанский...

Она говорит: смотри какой славный, подойдет к моим чашкам.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Пусть забирает.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. И мамин сервиз? И твои украшения?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. В ту ночь в ноябре, ну, когда все случилось... Я думала ехать к нему. Не к тебе. Ты был молодой, неумелый... Ты был мне как брат или, может, собака.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Так, все. Оставайся. Мне надоело.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Постой. Я думала ехать к нему, но вдруг поняла, что мы связаны.

Общей судьбой... Не знаю, как объяснить, чтоб не выглядеть глупой. Ты слышишь меня? Я знала, что сына мы назовем Камамбер.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Рехнулась? Что это за имя? И я хочу дочку.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Неважно. Я знала, что пойду за тобой до конца... Но гибнуть в чужбине? Нас схватят, как только шагнем за границу. Я слышала крики. Я знаю, ты слышал их тоже.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Нас встретят свои же. Нельзя возвращаться! Пойми же, не родина это, а просто случайность, где нас породили. Каприз географии.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Мы будем отбросами там, третьим сортом.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Мы будем живые.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Мне страшно.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Не бойся.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Там все мне чужое.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Я буду работать. Ты вырастишь сына, который не будет бояться. По имени... Ладно, потом. Который не вспомнит, как мы начинали. Он не узнает, у нас будет славный, хорошенький мальчик, такой заводила.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*всхлипывает*). Ты думал о дочке.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Потом будет дочка. Принцесса.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Разбойница.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Пойдем, нам недолго осталось – вон видишь, огни. Там наши друзья.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Прости меня... Просто устала. Две недели в дороге.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Возьми мою руку.

Слышится лязг сапог, лай собаки, к ним приближаются какие-то фигуры в темном и с закрытыми лицами.

ГОЛОСА В ТЕМНОТЕ: Стоять! Стоять, я сказал.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Пустите его, он гражданин свободной страны! Мы приехали в гости... Нас пригласили в посольство... Вы не имеете права, не трожьте меня, я жена пармезана!

Звук выстрела. Вдали падает огромный – с человеческий рост – кусок сыра. Женский крик.

Часть вторая

Соня сидит на полу, прислонившись к стене. Подключает телефон к розетке, достает из рюкзака какую-то бумажку, набирает номер.

СОНЯ (*в телефон*). Алло, ты меня слышишь? Ты где? Это Соня. Ну помнишь, в кафе... Наверно, смешная. Ты улетел? Не мог бы ты... Даже не знаю... Алло, ты еще здесь? Послушай... Побудешь мне другом? Пожалуйста, трахни меня. Поскорей.

Часть третья

1.

Соня и Гришин в прозрачной комнате с окном в пол – вдалеке видны самолеты – они лежат на не слишком свежем матрасе, вокруг валяются какие-то вещи, одежда. Соня нащупывает стоящую на полу лампу, включает.

СОНЯ. Мне просто хотелось побыть живой, понимаешь.

ГРИШИН. Мне все равно, почему ты звонила.

СОНЯ. Жаль.

ГРИШИН. Ну позвонила же.

СОНЯ. Осел, вот ты кто. А я не была уверена, что ты настоящий.

ГРИШИН (*берет ее руку, притягивает к своему паху*). Настоящий.

СОНЯ. Мне раньше казалось, если человек вот так застрянет, он же будет нервничать, да? Метаться? Требовать там, не знаю, еды. Компенсаций. Сколачивать банду. Бороться. А там тихо так всюду.

ГРИШИН. Так всегда. Мы в России. Тут люди со сломленной волей.

СОНЯ. Откуда ты знаешь?

ГРИШИН. Так говорил же, часто летаю.

СОНЯ. Водил сюда девок?

ГРИШИН (*обнимает ее*). Ни разу.

СОНЯ. А где мы?

ГРИШИН. Здесь раньше курили. Потом все накрылось пиздой.

Достает сигареты, протягивает ей.

СОНЯ (*закуривает*). Через пару часов это будет всего лишь еще один день, когда я не уехала.

ГРИШИН. Я не понимаю, тебе здесь плохо? Мужик есть, сигареты есть... Будущего нет. Счастье.

СОНЯ. Стемнеет, и я подумаю, – ну значит завтра, с утра, у меня все получится завтра с утра. А потом снова стемнеет. И снова.

ГРИШИН. От себя не убежишь.

СОНЯ. Так говорят только кретины.

ГРИШИН. Да я и не скрывал.

СОНЯ. А от кого? От кого убежишь?

ГРИШИН. Мы как кенийцы, Соня. Их почему никто не может догнать на Олимпиаде? Потому что везде спортсмены тренируются, прыгают через эти свои барьеры, каждый день круги по стадиону наворачивают. А кенийцы просто встают утром – и бегут в ближайший магазин, в соседнюю деревню. Километров двадцать, за хлебом. У них просто нет варианта не бегать.

2.

Два кенийца разминаются в зале ожидания, встают на низкий старт. К ним подходит Соня, вскидывает спортивный пистолет.

СОНЯ. На старт, внимание... (*стреляет*).

Первый кениец бежит и быстро исчезает из виду.

ВТОРОЙ КЕНИЕЦ (*после рывка*). Тебе надо, ты и бегай.

Забирает у Сони пистолет, разворачивается и уходит.

3.

Соня идет сквозь зигзагообразную очередь, какая обычно бывает на регистрации. Люди там стоят, сидят, едят, выпивают, многие спят. Некоторые переговариваются, довольно меланхолично.

– Говорят, нам закрыли границы...

– Блять, вот раз в жизни взяла «все включено». Я думала, там про бухло, а тут как в совке. Кто здесь последний? Подвиньтесь. Я лягу.

– А ты все заладил: я не могу бросить бизнес. И дом не достроил. Ты думаешь, это метель? Застряли под снегом? Нет, это все, это всем нам конец.

– Их надо бомбить, этих жутких ублюдков. Пока не добьем... Это наша земля!

– Я – Наташа, мне очень приятно. А вы – Николай?

– Зато мои дети будут по-русски! На языке Пушкина, блять, говорить и Толстого!

- Я не хочу умереть в подворотне...
- Давай, убегай, давно не сосалась с Госдепом!
- Да с вами, козлами, нельзя по-другому. Награбили, твари? Теперь оставайтесь. Мы вас тут заждались.
- И пусть загнивает! Туда им дорога! Кругом пидарасы...
- Почем за косяк? Да вы все охуели...
- Пустите в вип-зону! Я лечу бизнес-классом!
- Обама ведь чмо и знает об этом!
- Не плачь, я уверен, найдется дорога.

Соня наконец протискивается к стойке регистрации, за которой сидит девушка, что-то спокойно печатающая на компьютере.

СОНЯ. Есть новости?

ДЕВУШКА (*отрываясь от монитора*). Вам поменять у окошка?

СОНЯ. Нам долго еще? Что там, правда, случилось?

ДЕВУШКА. Все будет нормально. Вы с нами летите?

Девушка с улыбкой наклоняется к Соне и протягивает к ней копытце. На рогах у нее георгиевская ленточка.

4.

Та же комната с прозрачными стенами в аэропорту. В ней стемнело. Гришин заваривает чай прямо в чайнике, стоящем на полу, и протягивает Соне чашку.

ГРИШИН. Ты уже сколько не спишь?

СОНЯ. Не знаю. Неделю.

ГРИШИН. Нам пора уходить.

СОНЯ. А хочешь, поехали вместе? Со мной?

ГРИШИН. Куда?

СОНЯ. Далеко. Где нас не найдут.

ГРИШИН. Никто нас не ищет.

5.

На полу в зале ожидания сидят в кругу несколько человек – восемь или десять. Они примерно того же возраста, что и Соня, и Гришин, которые тоже тут. Гришин раскручивает бутылку вина, лежащую в центре, бутылка показывает на молодого человека в кедах, очках и свитере крупной вязки – хотелось бы сказать, что он хипстер, но он не хипстер, просто в аэропорту довольно холодно. Его зовут Егор. Светает.

ЕГОР. Они обещали сказать через час, где гребанный вылет.

ГРИШИН. Правда или Путин?

ЕГОР. Путин.

ГРИШИН. Ок. Почему ты здесь?

ЕГОР. Мне не хватает воздуха. Я не могу жить в такой атмосфере вранья и бесправия. Мы живем в диктатуре. Здесь в жопу ебали права человека... Вы слышите, я говорю, как на зоне? Оно налипает на тебя незаметно, кусками, вот это тюремное чувство. Ты становишься – ими. Я не хочу. Не могу. Я уеду.

Гришин раскручивает бутылку дальше, она показывает на девушку, рядом с которой стоят туфли на высоких каблуках. Ее зовут Маша.

ГРИШИН. Правда или Путин?

МАША. Правда.

ГРИШИН. Почему ты здесь?

МАША (*откупоривает бутылку, отпивает*). Во мне мало секса. Здесь всех расхватили, ну, в смысле мужчин. А я бы хотела все с себя сбросить. И чтобы проблемы мои кто-то взял и решил. Я не могу больше бегать по кругу, устала. Вот все говорят – уважай себя и добивайся. Будь как мужик. А я не хочу, я хотела быть блядью, чьей-то такой дорогой утомленной игрушкой, и вся в кружевах... Но меня не возьмут. Не гожусь. Уеду, и буду послушной тайваньской женой, с борщом и затейливой еблей. Только белой.

Бутылка показывает на девушку с ребенком, ее зовут Аня. Рядом с ней сидит Алена, на коленях у нее лежит ноутбук, в котором она что-то быстро-быстро печатает.

ГРИШИН. Правда или Путин?

АНЯ. Я пропускаю.

ГРИШИН. Правда или Путин?

АЛЕНА. Путин.

ГРИШИН. Почему ты здесь?

АЛЕНА. Моя страна ведет войну. Постоянно и подло. Она убивает детей, стариков, несчастных, больных, заброшенных, бедных, любых. Там и везде, и всегда, и в мирное время. Ей все равно, ей люди – что листья. По ним лишь ногами. Мне очень стыдно.

АНЯ. А правду?

АЛЕНА (*делает глоток из бутылки*). Моя страна ведет войну. Мне стыдно.

АНЯ (*забирает у нее, пьет*). А у меня уехал фейсбук. Друзья, знакомцы... Я как на острове, с которого всех забрали, а про меня позабыли. Мне одиноко. Я здесь состарюсь, и моя дочь будет так же бежать, когда станет взрослой. Я не хочу... чтобы все повторилось.

В следующем раунде бутылка показывает на Максима – у него очень обычная внешность, так что про него нельзя сказать ничего определенного.

ГРИШИН. Правда или Путин?

МАКСИМ. Правда.

ГРИШИН. Почему ты здесь?

МАКСИМ. Россия встала с колен. Мы – сверхдержава. Пусть все отсосут, недоумки. Мы круче всех. Америка нас не напрасно боится. Ей скоро конец. И Гейропе. Останемся мы и Китай. Поможет духовность и вера. Я – православный. За мной – возрождение.

ГРИШИН. А здесь ты зачем?

МАКСИМ. Я в отпуск.

Снова раскручивают бутылку, она показывает на пару, сидящую в обнимку – это Андрей и Оля.

АНДРЕЙ *(делает глоток)*. Я еще в школе читал про немцев – нашел мемуары – и думал: как с ними случилось? Нормальные люди. Обычные мамы и папы. И в гости ходили к соседям, смеялись... А потом увели, истязали, убили.

ОЛЯ *(пьет)*. Когда мы квартиру снимали, нам вежливо так говорили: никаких черножопых.

АНДРЕЙ *(пьет)*. Милейшие люди.

Соня забирает у Гришина бутылку. Допивает.

СОНЯ. Мне снятся странные сны. Я говорю себе: надо проснуться, нельзя впасть в забытье. И не могу... Я так хочу, чтобы они прекратились. На днях везла Гитлера. В черном вагоне... Поймала его, арестовала — живого такого, с усами — и везу на процесс. Зачем, говорю, ты все это сделал, мудила? А он мне такой, ну видишь ли, Соня, я просто хотел, чтоб меня полюбили...

Гришин куда-то уходит, возвращается еще с одной бутылкой. Ее забирает Игорь, открывает, пьет. Рядом с ним сидит Настя, девушка с розовыми волосами.

ИГОРЬ. Я гей. Я не хочу быть отбросом.

НАСТЯ *(пьет из бутылки; Гришину)*. А я тебя помню. Мы в это играли. Я говорила, что хотела родиться не в Пскове, у нищих, а сразу в Париже. У мамы Мари и папы Этьена, на завтраки – устрицы, на ужин – бойфренд из Сорбонны. И стать леваком. На митинги бегать в защиту чужих темнокожих детей. Покраситься в розовый цвет. Нигде не работать. Бросать в ботинки тяжеленные камни. А ты мне сказал – начните с прически... И в лаундж водил – рисовать. Мне потом рассказали, что ты здесь живешь. Там, где раньше курили...

Соня поднимается, выходит из круга, подходит к окну. Смотрит на самолеты.

ГРИШИН *(забирает бутылку, пьет, подходит к Соне)*. Мы лишние люди, мы не можем быть взрослыми. Ведь взрослый пошел – и взял то, что нужно. Не ждет, что его наградят... что есть кто-то, кто все знает лучше.

СОНЯ. Ты врешь. Это скучно.

ГРИШИН. Мой день состоит из зависти, Соня. Уже много лет. Утром я завидую одному, который уверен в своей гениальности так сладострастно, что ему верит весь город. Днем ненавижу всех тех, которого любят и так, ни за что, от избытка веселья. А ночью, ночью мне тяжелее всего – по ночам я и правда завистлив к чужому таланту.

СОНЯ. Я тоже боюсь, что меня не любят. Я Гитлера вижу...

ГРИШИН. И думаешь, тебе тридцать семь, мать твою, и все уже поздно. «Клуб 27» позади десять лет! Ты должен был сделать, успеть, надорваться. Ты должен был уже умереть...

СОНЯ (*протягивает руку*). Поедем со мной.

ГРИШИН. Мне страшно.

СОНЯ. Мне тоже.

6.

Салон самолета. Люди стоят в проходе, достают из багажника свои вещи и собираются выходить.

ГОЛОС ПИЛОТА. Наш самолет совершил посадку в аэропорту Тегель. Местное время – 17 часов 45 минут, погода в Берлине хорошая, солнечная. Спасибо, что выбрали нашу авиакомпанию. От имени всего экипажа желаем вам приятного дня.

СТЮАРДЕССА (*легонько дотрагивается до Сониного плеча*). Мы прилетели.

Соня снимает с себя свитер с Чебурашкой, оставляет на соседнем пустом кресле, выходит.

7.

Прозрачная комната в аэропорту, в прозрачную стену которой видно взлетающий самолет. Гришин занимается сексом с какой-то девушкой. Девушка кричит.